

Открыв бумажник, он посмотрел на их общую с Хань фотографию, и глаза мгновенно заволокло слезами. В памяти всплыли все моменты их прошлой жизни с Хань: бывшее счастье и бывшей свет теперь исчезли без следа. В его жизни больше не было подходящего спутника, и если он действительно не сможет отыскать Хань, он просто не представлял, что ему делать. Умереть он не мог — у него оставались пожилые родители, о которых нужно было заботиться. Единственное, что ему оставалось — уйти из шоу-бизнеса, взять на себя семейный бизнес и с тех пор жить бессердечным и бездушным человеком. Только... даже сейчас он всё равно не мог понять, почему Хань бросил его, ради чего всё это?

— Цринь...

Входная дверь издала звук поворачивающегося в замке ключа. Лицо Ао Чэня резко изменилось, плечи невольно напряглись. Он с безумной радостью уставился на дверь, наблюдая, как она медленно открывается, и его сердце взмывало всё выше и выше. Но всё рухнуло, стоило ему увидеть вошедшего. Тихим голосом он позвал:

— Мам, это ты?

— А кого ты надеялся увидеть? Не меня?

Видя недавнее безумие сына, а также описанные и преувеличенные в новостях скандальные выходки, Чэнь Сытин, мать Ао Чэня, не дождавшись от мужа ни сочувствия, ни ответа, решила сама приехать и проверить состояние сына. Глядя на мертвенно-бледное лицо Ао Чэня и его только что сиявший надеждой взгляд, она невольно прониклась болью к слепой преданности сына, а в душе её росло сильное недовольство мужем!

— Нет, никого, — эту квартиру купили лет пять или шесть назад, но мать пришла сюда впервые. Ао Чэню было не до расспросов, зачем она пожаловала: его сердце было целиком заполнено Ханем. На чужие оценки и домыслы у него не было ни сил объясняться, ни желания возражать — он хотел лишь отыскать Хань.

— Сяо Чэнь, что с тобой? Что случилось? Почему ты так долго не навещал меня и отца? — утешая сына, Чэнь Сытин тем не менее не стояла на месте: она озиралась по сторонам, разглядывая планировку квартиры. Повсюду виднелись следы уюта и заботы. Она знала, что у сына нет таланта к подобному обустройству, а значит, всё здесь было создано руками того доброго юноши. Она просто не понимала, почему её муж проявил такую упёртость: в конце концов, сейчас кругом полно чайлдфри, так почему этот старый упрямец не умел проявить гибкость и понимание?! Мысленно вздохнув, она поняла, что раз уж Хань Ханьчэ не встретить, ей оставалось лишь временно переключить всё внимание на погрузившегося в пучину отчаяния сына!

— Я занят, — двумя словами он отмахнулся от всего. У него не было сил вдаваться в объяснения или искать поддержки у матери. Будь здесь Хань, он бы ещё стал умолять мать о понимании и поддержке, но... теперь Хань исчез, о чём тут говорить? Лучше хранить молчание.

— Сяо Чэнь, почему бы тебе не переехать домой? — в этой квартире она не ощущала ни малейшего присутствия кого-либо, кроме Ао Чэня. Тот парень наверняка ушёл. Эх... В глубине души Чэнь Сытин испытывала перед Хань Ханьчэ сильнейшее чувство вины, но ради сына и ради мужа она была вынуждена поступить именно так. Она иносказательно попыталась уговорить Ао Чэня покинуть это полное боли место: — Тебе через два года исполнится тридцать, пора возвращаться и брать в свои руки дело отца. Не лучше ли вернуться заранее, чтобы во всём разобраться?

— Нет, — не раздумывая, он отверг предложение матери!

— Сяо Чэнь, послушай маму, будь хорошим мальчиком, поехали домой, хорошо? — отрешенный вид сына больно полоснул её по сердцу. Заметив в бумажнике Ао Чэня фотографию того человека, она выхватила портмоне со словами: — Ушёл так ушёл, зачем ты так убиваешься из-за него?

— Нет, он не ушел, он не ушел! — с любым другим он бы затеял драку до победного конца, но перед ним стояла не чужак — его собственная мать. Выхватив бумажник обратно и прижав его к груди, словно величайшую драгоценность, Ао Чэнь взревел на мать!

Впрочем... стоп. Откуда мама знает о Хань? И откуда ей знать, что он ушёл? Он ведь вообще не упоминал о Хань перед родственниками! Откуда ей известно? Несмотря на всю боль и тоску, способность мыслить его не покинула, и до полного оупения он ещё не скатился. Схватив мать за плечи, он впери в неё взгляд, полный неугасимой обиды, и потребовал:

— Мам, откуда ты знаешь, что Хань ушёл? Ты искала его, да? Зачем ты его искала? Зачем?!

— Сяо Чэнь, я... я... — Чэнь Сытин не умела лгать. Столкнувшись с упрёками и негодованием сына, она совершенно растерялась, а в душе ещё сильнее разозлилась на мужа, из-за которого ей приходится переносить этот позор — вот вернётся домой, обязательно задаст ему взбучку. Но сейчас... самое главное — как успокоить сына, как сделать так, чтобы он перестал на неё сердиться? О небеса, она ведь не была главным вдохновителем, но всё же соучастницей!

— Мам, ответь мне, скажи, что ты не искала Хань. Ты ведь не искала его, правда?

По испуганному выражению лица матери Ао Чэнь уже догадался обо всем на семь-восемь десятков процентов. Но он не мог простить, что мать заставила Хань уйти. Их неприятие его чувств он ещё мог стерпеть, но он надеялся, что родители не станут вмешиваться в его любовь. Не дождавшись ответа, Ао Чэнь бессильно опустил руки, подошёл к бару, вытащил одну из самых крепких бутылок и принялся пить прямо из горла. Боже мой, что он наделал? Он посмел обвинять Хань и даже ударил его... Боже, что же он натворил...

— Сяо Чэнь, не надо так, — не смея отнять у него бутылку, Чэнь Сытин растеряннo стояла за спиной сына и с глубоким раскаянием говорила: — Мама знает, что виновата перед тобой. Но... разве твоя карьера позволяет раздувать подобные скандалы? Когда ты в будущем унаследуешь дело отца, как на тебя посмотрят коллеги по индустрии? Тем более, тебе ведь нужен

наследник, а он не сможет подарить тебе ребенка! Давай так: когда у тебя появятся дети, делай что хочешь. Тогда ты сможешь пойти и вернуть его, хорошо?

Выслушав нелепое предложение матери, Ао Чэнь потерял последние остатки терпения. Он швырнул бутылку в белоснежную стену, взмахнул рукой и смахнул на пол две трети стоявших на барной стойке бутылок. Глубоко вздохнув, он взревел:

— Зачем? Зачем вы стали давить на него? Теперь он ушел, вы довольны? Если с ним что-то случится, я никогда вас не прощу! Слышите, никогда...

С этими словами он подхватил брошенную на пол куртку и выбежал из квартиры, совершенно не обращая внимания на убитую горем мать. Он знал, что она желала ему добра, но он также знал, что делает. Он любил Хань, любил до самой смерти, и во что бы то ни стало должен отыскать его. Даже если родители не поймут, он всё равно найдёт Хань...

— Сяо Чэнь, подожди... — видя, что сын уходит без малейшего колебания, Чэнь Сытин горько заплакала. В её голове билась лишь одна мысль: сын ненавидит её, винит во всём...

Последнее время заголовки всех крупных газет пестрели новостями об известном певце Ао. Многие своими глазами видели, как он бродит по улицам города, словно что-то выискивая.

Сначала все думали, что он снимает клип или фильм, но прошло несколько дней, и стало ясно, что это не так. Опустившийся, невероятно заброшенный, он источал густую, удушливую ауру печали. Публика вовсю гадала: непобедимый Король Сцены переживает тяжелое расставание...

Хэй Миньюэ, глядя на газетную заметку, холодно усмехнулась. Если бы узнать местонахождение Мин Яна было так просто, Темная Империя давно бы закрылась. Впрочем, сейчас он как раз мог помочь ей и Яну исполнить задуманное. Взяв со стола телефон, она набрала знакомый до боли номер и приказала:

— Ланс, действуй по первоначальному плану, я пришлю людей тебе в помощь. Помни: никто не должен ничего узнать, иначе... Ладно, пока!

Повесив трубку и глядя на золотистые лучи заката над океаном, Миньюэ радостно улыбнулась. Наконец-то... в её жизни тоже наступил рассвет.

Босиком прогуливаясь по песчаному пляжу, позволяя накатывающим волнам омыwać ноги, я провожал взглядом заходящее солнце, заливающее всё вокруг золотистым светом. Тупо глядя вдаль, я шептал:

— Чэнь, ты в порядке?

Проснувшись, я обнаружил себя на этом роскошном маленьком острове. Если подсчитать дни, прошло уже пол-месяца. Здесь, кроме кабинета старшей сестры, не было абсолютно никакой связи с внешним миром... Без единой жалобы, лишённый всякой воли к жизни, я тихо коротал дни, изо дня в день повторяя одно и то же монотонное существование.

Каким будет завтрашний день, я не мог предсказать и даже не смел вообразить...

Хэй Миньюэ шла по следам Ханьчэ и издалека заметила его одинокую, исхудавшую фигуру. В её сердце шевельнула дурная предчувствие: она вдруг испугалась, что он вот так просто растворится в морской пучине, и немедленно прибавила шагу, бросившись к нему!

Оттащив его от очередной набежавшей волны, она с замирающим сердцем выдохнула:

— Ян, уже поздно, пойдём отдохнуть! Через пару дней я отвезу тебя в главное поместье и официально представлю нашим людям, хорошо?

— Угу, — я чуть кивнул. Меня мало волновали подобные вещи: знать или не знать этих людей для меня не имело никакого значения, но я не мог отвергнуть её добрые намерения и был вынужден подчиниться.

Лёжа в ванне с функцией автоматического массажа и наслаждаясь пятизвёздочным сервисом, я чувствовал, как расслабляются мои мышцы, но это никак не могло успокоить душу. Тупо глядя на белую керамическую плитку с золотой каёмкой на стенах, я видел, как она на мгновение превращается в красивое и гордое лицо Чэня. Я протянул руку, желая коснуться его, но он лишь пятился назад, снова и снова повторяя, как сильно ненавидит меня и как противен я ему. Зажав уши руками, я всё равно не мог заглушить эти голоса. Всплеснув воду в ванной, я закричал:

— Хватит! Умоляю, перестань!

Свернувшись калачиком в углу ванны, моё сердце невыносимо ныло. Не то чтобы я не хотел бороться за свое счастье — у меня просто не было на это сил, у меня не было на это права...

Если бы я стал бороться, Чэнь непременно пошёл бы против собственных родителей. Ради меня ему пришлось бы отказаться от взрастивших его отца и матери; ради меня — сносить грязные сплетни и презрение окружающих; ради меня — начинать всю свою жизнь с чистого листа. Ради меня ему пришлось бы отказаться от очень многого. И поэтому... я выбрал уход. Я сам отказался от счастья, которое было почти в руках. Я был так глуп, и мне было так больно!

Ведь всё это я накликал на себя сам, сам от всего отказался добровольно, так почему же моё сердце всё равно так болит? Говорят, время способно стереть всё! Но почему я ничего не могу забыть? Почему всё помнится так отчётливо, почему я продолжаю так отчаянно барахтаться?

Слезы покатались по щекам. Я не мог совладать со своим сердцем: с того самого момента, как я полюбил Чэня, оно больше мне не принадлежало! Прижав руку к груди, я чувствовал, как бешено колотится сердце, а дыхание становится всё более прерывистым. Ощущение, будто к горлу подступила волна крови...

— Кха... Кхм...

Полный рот алой крови брызнул прямо в ванну, окрасив воду в багровый цвет, словно я очутился посреди кровавого моря. Глядя на эту зыбкую аленящую воду, я вдруг почувствовал, что боль в груди немного утихла, а дыхание постепенно выровнялось. Выключив гидромассаж, я заглянул в успокоившуюся гладь воды: в ней отразилось моё лицо — такое призрачное, такое бледное, казалось, в любой момент я мог стать абсолютно прозрачным...

Если бы... меня не стало, Земля не перестала бы вращаться вокруг своей оси и вокруг Солнца, небеса не стали бы проливать слёзы обо мне, и никто бы не умер от моего отсутствия. Раньше я переживал за Чэня, но теперь... Чэнь ненавидит меня, с чего бы ему горевать и плакать из-за моей смерти? Теперь я ни к чему не привязан, у меня не осталось желания жить, и сейчас мне так сильно, до безумия хотелось просто перестать дышать...

Оглядываясь назад на свою короткую жизнь, я мог назвать лишь две вещи, которые стоило бы счесть радостными и счастливыми. О нет, теперь их три. Первая — Се Цзянь, мой друг детства. Пусть я порой и поступал эгоистично, пользуясь его чувствами ко мне, но благодаря ему моё детство было поистине счастливым. Вторая — Чэнь, моя единственная любовь, встреча с которой переросла в страсть. И третья — старшая сестра. Я был по-настоящему рад, что в этом мире у меня есть человек, разделяющий со мной одну кровь.

В этой жизни я ни о чём не сожалел. Если и было о чём жалеть, так это о том, что мне не суждено состариться вместе с Чэнем!

В этой жизни я ни капли не раскаивался во всём выпавшем на мою долю. Встретить их и полюбить — было величайшей честью для меня, и я надеялся, что они думают обо мне так же!

Пусть моя жизнь оказалась столь короткой и блеклой, я всё равно был счастлив, что мне довелось ступить на эту землю!

Мы оба — несчастные странники на краю света,

Быть может, и не нужно знать, кто я.

Мы встретились, полюбили друг друга и усомнились друг в друге,

От этих вечных расставаний и встреч меня уже воротит.

Я лишь хочу любить естественно.

Мы узнали друг друга, сблизились и задолжали друг другу,

От всех этих кармических уз мне уже скучно,

Я больше не хочу любить как попало,

Я лишь хочу любить естественно.

Зачем было встречаться, если мы чужаки?

Встретить любимого человека в это мгновение...

Быть может, однажды... прошу, позволь мне полюбить ещё раз,

И пусть обещания этого вечера воплощаются в жизнь постепенно.

Достав из шкафа светло-голубой спортивный костюм — я помнил, как Чэнь говорил, что в вещах небесно-голубого цвета я выгляжу наиболее элегантно, ярко и пленительно, — я решил, что этой ночью позволю себе в последний раз блеснуть ради него...

Находясь на самом верху островной виллы, на пятом этаже, я подставлял лицо лёгкому морскому бризу. Всё вокруг казалось одновременно таким мирным и бурлящим. После этой ночи в мире больше не останется Хань Ханьчэ. Не раздумывая больше ни секунды, я перемахнул через перила балкона. Под свист рассекаемого падением воздуха я прошептал клятву на будущую жизнь:

— Чэнь, в следующей жизни я снова хочу встретить тебя и полюбить. Пусть в следующей жизни мы продолжим нашу недоигранную песню. Любимый мой, прощай!

— Нет!..

Хэй Минъюэ случайно бросила взгляд в окно и в ужасе увидела, как Хань падает прямо у неё на глазах. С пронзительным криком бросившись к окну, она успела заметить лишь прощальную, прекрасную улыбку, которую оставил ей Хань!

— Плусь...

В тот самый миг, когда он коснулся земли, мне показалось, что я вижу другой мир. Что ждёт меня там, по ту сторону? Не колеблясь ни секунды, я сделал шаг навстречу сияющему свету.

Всё происходящее наконец-то должно было обрести новое начало...

Переступая через три ступеньки за раз, Минъюэ в слезах и спотыкаясь добежала до лежащего Хань. Глядя на кровь, непрерывно сочившуюся у его головы, она пережила удар, какого еще не знала прежде. Подхватив Хань на руки и прижав ладони к кровоточащей ране, она завопила во всю мочь своим людям:

— Эй, живо позовите врача, быстрее!..

— Что тут произошло? — Ланс как раз закончил дела и спешил забрать брата с сестрой для проведения экспериментов. Никак не ожидая столкнуться у трапа частного самолета с толпой мечущихся людей, услышав весть о падении Хань с высоты, он немедленно схватил медицинский чемоданчик и примчался на место. Раздвинув руки Минъюэ, он бросил:

— Юэ, отойди, не мешай мне спасти его!

— Лан, скорее, спаси его ради Бога! — словно утопающий, увидевший спасительный круг, Минъюэ смотрела на Ланса глазами, полными надежды, и со слезами умоляла: — Обязательно спаси его, он не может умереть, он не имеет права умирать!

— Юэ, отойди на минуту, — разрываясь между необходимостью оказывать экстренную помощь и попытками утешить любимую женщину, Ланс поддался панике из-за её рыданий и был вынужден потребовать её удаления.

— Нет, не уйду! — наотрез отказалась она. Она не могла уйти, ни при каких обстоятельствах не собиралась отходить от него.

— Ты... Эх! — у него совсем не оставалось времени на споры. Состояние Хань было критическим, а имевшегося под рукой оборудования катастрофически не хватало, чтобы развернуться в полную силу, поэтому он потребовал: — Юэ, немедленно свяжись со всеми врачами нашего концерна, пусть подготовят операционную, мы срочно вылетаем, иначе...

— Хорошо, мы немедленно едем!

Единственной задачей было не дать Хань умереть, поддерживая работу всех его внутренних органов. На протяжении всего пути Ланс использовал любые доступные методы. Время утекало сквозь пальцы, и наконец... на предельной скорости они добрались до ближайшего города.

Хань закатили в операционную. Минъюэ осталась за массивными дверями. Глядя на горевший над входом красный глазок, её сердце сжималось от спазмов. Она не понимала, почему Хань выбрал этот путь, но еще сильнее она не могла простить саму себя. Если бы она неотлучно находилась рядом с младшим братом, трагедии бы не произошло; если бы она вовремя утешила

его, сегодня он не лежал бы на холодном операционном столе...

Снова и снова поднимая взгляд на горящую красным надписью «Идет операция», она чувствовала, как неумолимо бежит время. Восход сменялся закатом, луна сменяла солнце, а душу Минъюэ терзали невыносимые муки. Чувство вины и самобичевание пожирало последние остатки её терпения. Больше выносить ожидание она не могла: вскочив на ноги и собираясь толкнуть дверь операционной, она увидела, как красный свет сменился зелёным. Сделав рывок вперед, она вцепилась в измотанного Ланса и в панике закричала:

— Лан, как мой брат? Что с ним, ответь же?!

— Юэ, не волнуйся, он жив, но... — сдёрнув с лица маску и снимая хирургическую шапочку, Ланс смотрел на неё глазами, полными тяжелой усталости, но всё же нашел в себе терпение ответить на расспросы Юэ.

— Но что? Что с ним такое? — вся выдержка и самообладание испарились. Сейчас её волновало лишь состояние брата: жив он или мертв. Заметив виноватый оттенок в глазах Ланса и его нежелание говорить прямо, она услышала набат в груди: только бы не самое худшее, ради бога, только не беда...

— Возможно, он больше никогда не придёт в сознание. При падении с пятого этажа он получил тяжелейшую черепно-мозговую травму, внутренние органы сильно повреждены, помимо этого у него множественные переломы и повреждения мягких тканей. Более того, во время первичной реанимации у него фиксировалась кратковременная остановка дыхания. Хотя мне и удалось вырвать его жизнь у смерти, но... он может так и не очнуться, — сделав глубокий вдох, Ланс не мог и не имел права скрывать правду. Он лишь надеялся, что Минъюэ сможет принять этот факт: — Единственное утешение — он жив.

На месте другого человека при таком падении с такой высоты не осталось бы ни шанса выжить. И хотя сейчас положение Хань мало отличалось от положения мертвеца, это всё же было поводом для радости — по крайней мере, он лучше мертвеца тем, что дышит... Последние мысли Ланс благоразумно оставил при себе, не решаясь озвучить их Минъюэ.

— Неужели совсем нет надежды на чудо? — пробормотала потрясенная страшной новостью Минъюэ, сама не понимая, спрашивает ли она себя или Ланса. — Неужели он так и пролежит всю жизнь неподвижно на постели?

Зачем он поступил так безрассудно? Разве в жизни есть проблемы, из которых нет выхода? Почему он не пожелал разделить с ней свои горести и секреты? По крайней мере, она умела слушать, а при необходимости могла бы даже отомстить за него! Почему он не додумался до этого?!

— Быть может, чудо и впрямь случится, — приобняв Минъюэ, мягко успокаивал её Ланс. — В мире известны случаи, когда люди выходили из комы. Главное, чтобы у него была сильная воля и привязанность к этому миру — тогда он обязательно очнётся! — хотя сам он прекрасно

понимал, что вероятность этого крайне мала, Ланс от всего сердца желал выздоровления Хань.

— Сильная воля? Привязанность к миру? — если бы у Хань было хоть что-то из этого списка, сегодняшней катастрофы бы не произошло, с горькой болью думала Минъюэ. Внезапно в памяти всплыли слова Хань, и она судорожно вцепилась в лацканы одежды Ланса: — Лан, а как насчет того дела, о котором мы говорили? Ты можешь заняться им как можно скорее?

— Какого именно дела? — ошеломленный её внезапной переменой настроения, переспросил озадаченный Ланс.

— Ну того самого: могут ли двое мужчин иметь общего ребенка по кровному родству? — это оставалось её единственной надеждой. Если эту задумку действительно удастся претворить в жизнь, то... быть может, чудо всё-таки свершится!

— Да, я займусь этим немедленно, — в большей или меньшей степени Ланс догадывался, что эта затея напрямую связана с её младшим братом, а потому... он сделает всё от него зависящее.

<http://bllate.org/book/21153/2144349>